

Марьяна Сурикова

ПРОСТО ПОЗОВИ. АКАДЕМИЯ ЖИЗНИ

ПРОСТО ПОЗОВИ. ПРАКТИКА ЖИЗНИ

ПЛЕННИЦА. В ОКОВАХ МАГИИ

В ПОГОНЕ ЗА АРТЕФАКТОМ

МЕЖДУ ПРИЗРАКОМ И ЗВЕРЕМ

ГИМНАЗИЯ ЦАРИМА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марьяна Сурикова

Гимназия Царима

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С90

Серия основана в 2011 году
Выпуск 427

Художник
Е. Никольская

Сурикова М.
С90 Гимназия Царима: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 377 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2853-3

Смутные времена давно канули в Лету, а славный род защитников обеднел, однако гордость его представителей до сих пор непомерна. Всем невестам богатых домов был дан отказ, ведь ни одна из них не устроила наследника некогда могущественного семейства. Нелегко оказаться в числе отвергнутых и еще сложнее столкнуться в стенах школы с новым преподавателем — несостоявшимся женихом, приславшим вежливый отказ. Жаль, что выбора нет, а у Провидения иные планы на выходца из древнего рода и меня, случайно оказавшуюся на его пути.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2853-3

© Марьяна Сурикова, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Часть первая

ЗАЩИТНИК

Глава 1

ПИСЬМО

Я в волнении буквально слетела по ступенькам роскошного особняка, рискуя поскользнуться на гладком мраморе, и подбежала к двери, когда отец уже поднялся на крыльцо с той стороны и взялся за медный дверной молоток. Чуть не пританцовывая от возбуждения, я все же не решалась торопить чопорного дворецкого, с достоинством открывшего для хозяина тяжелые, инкрустированные редчайшим голубым мрамором створки. В нашем поместье каждая мелочь буквально кричала о богатстве и роскоши, хотя сам дом располагался в некотором удалении от общей дороги и более оживленных кварталов, стоя на отдельном холме, окруженном не менее внушительным парком.

— Папа, — я присела в поклоне, отшлифованном за два года усердных тренировок в элитной гимназии, — есть какие-то новости?

Отец, мама и Роберт уехали неделю назад, чтобы присутствовать на торжественном посвящении младшего брата в уорранты ферзевой гвардии под началом самого командира Этьена. Прославленный герой нашей страны вот уже более тридцати лет оставался на посту главнокомандующего. Брат был в полном восторге от перспективы служить под его руководством, а я с замиранием сердца ждала иных известий — о дате собственной свадьбы. Отец нарочно уехал от Роберта на день раньше, чтобы лично забрать из местного отделения связной конторы долгожданный ответ, не доверяя расторопности посыльного, а уж после вернуться домой и сообщить мне важнейшую новость.

— Роберт очень сокрушался, что тебя не было на его празднике.

— Ты передал, как безумно я стремилась попасть, но из школы не пустили раньше? Только вчера удалось прибыть домой с попутным аэростатом.

— Они вернутся завтра утром, успеешь повидаться. Надеюсь, ты летела на механическом аэростате, а не на одном из модных нынче энгельферов? Не доверяю надежности их магических плетений.

— Конечно, папа. Я помню твои наставления и приобрела билет в первый класс.

— Умница. — Отец наконец покончил с долгим процессом раздевания, отдал верхнюю одежду дворецкому и протянул ко мне руки, поймав в крепкие объятия. — Смотри, как ты изменилась за три года... Ваша школа Царима просто творит чудеса.

— Там слишком строгие правила.

— Ну-ну, это только на пользу.

— Пап, — я подняла голову, просительно заглядывая в веселые карие глаза, — ты забрал письмо?

— Забрал, — усмехнулся отец и совсем как в детстве потрепал меня по волосам. — Идем в кабинет, узнаешь новость первой.

Просить дважды не пришлось, я скользнула в комнату следом и плотно притворила дверь, в волнении наблюдая, как он проходит к столу, садится в любимое кресло и серебряным ножиком вскрывает конверт.

Папа чуть пригладил пышные усы, просматривая письмо, и уже открыл рот, чтобы поделиться со мной известиями, как вдруг нахмурился и сжал губы.

— Что там? — Сердце тревожно екнуло.

Отец вскинул голову и внимательно посмотрел на меня. Таким же взглядом он порой отвечал на невысказанные опасения, например, когда однажды плача прибежала к нему и спросила, отыскался ли любимый щенок. Едва заметив это выражение в глубине его глаз, я внутренне сжалась.

— Отказ, дочь.

Убегавшая на второй этаж винтовая лесенка, уютно прятавшаяся в конце коридора неподалеку от главной гостиной, была моим любимым местом в доме. Возможно, благодаря витражному окну, бросавшему на ступени и перила разноцветные блики. Картина, сложенная из разноцветных стеклышек, изображала красивую фею верхом на единороге. Сказочная и искусно выполненная работа неизвестного мастера мне казалась лучше всех прочих витражей, заказанных у столичных знаменитостей. Эта старая лестница пахла деревом, а гладкие, заново покрытые лаком ступеньки приятно поскрипывали под ногами. Если откинуть голову на подпиравший витые перила столбик, то мож-

но немного отвлечься от грустных раздумий и сосчитать пальцами все завитки тончайшей резьбы, изображавшей разных животных.

На этой лестнице мне нравилось сидеть, глядя на окно, перила, ступеньки, здесь ощущался особый уют старины, витавшей в древнем поместье. Однако сегодня я спустилась и присела на нижнюю ступеньку с иной целью, внимательно прислушиваясь к доносившимся из открытой гостиной голосам родителей.

Роскошная комната была рассчитана на прием гостей, а тяжелые двери в ней заменяла высокая ажурная арка. В дождливые или холодные дни в гостиной разжигался огромный камин, способный отопить половину дома. И в этот пасмурный вечер, когда все помощники (мы никогда не называли работавших в доме людей слугами) ушли по своим комнатам, а мелкий дождик барабанил в окно, стекая вниз разноцветными каплями, папа с мамой присели у теплого огня.

— Что дочка? Спит уже? — послышался голос отца.

— Легла, — ответила мама и замолчала на несколько долгих минут.

До меня долетало тихое потрескивание горящих поленьев и шелест дождя за окном.

— Вот так взял и отказал? — вновь послышался мамин голос.

— Хочешь, письмо почитай.

— Да что там читать? — Она грустно вздохнула, а я прислонилась лбом к столбику и принялась обводить пальцем изображение тонконогой цапли.

— Полюбуешься, как можно вежливо и красиво поставить на место зарвавшихся богачей. Мол, где мы, тен Лораны, с нашей родословной, а где вы?

— Что, так и написали?! — В голосе матери послышалось искреннее возмущение, а затем раздался шелест бумаги, будто она забрала письмо.

— Еще чего! Говорю же — красиво. И слова такие: польщены, оказана честь, сожалеем.

— Ты смотри, сам наследник подписал! Гляди, гляди, Эсташ тен Лоран.

— До дыр заглядел.

— Чем Маришенька ему не угодила? Ну ведь красавица, умница и невеста богатая.

— Для их рода за любой невестой кроме приданого должен шлейф знаменитых предков тянуться, а чем мы знамениты? Потомственные рудокопы?

— И зачем ты вообще ему написал? Хоть портрет дочери отправил?

— Отправил. Он его назад прислал, не забыв выразить безмерное восхищение. А написал ему, — отец запнулся и тяжело вздохнул, — потому как сообщили мне проверенные люди, что тень Лораны наследнику ищут богатую невесту.

— Значит, нашли.

— Не нашли, всем отказ пришел.

— Как всем? Откуда известно?

— За деньги любую информацию узнать можно. Ни одна Эсташа не устроила, идеальную ищет.

— Ну и пусть себе ищет. У нас дочка на вес золота даже без приданого. От женихов отбиваться не успеваем. Уже отправили на край света, в гимназию эту, подальше от соискателей.

— Да, чтоб ума набралась. Лучше этой школы я в нашей стране и не знаю.

— Вот. Еще образование получит — и никто с ней не сравнится. Дались нам гордецы такие, даром что род известный.

— Не в известности дело, мать. Не вечны мы с тобой. Здоровье под старость лет не то. Дети поздние, столько лет ждали. А все работа в рудниках этих. Но только Роб наш и сам о себе позаботиться сможет, смысленый малый, не пропадет, да и любит себя наперед всех.

— Ну что ты говоришь?

— А ты любимца не выгораживай. Коли надо, он выбор в свою пользу сделает, а дочка другая. Не за себя наперед пойдет, за тех, кого любит. Я ж до сих пор тот случай забыть не могу. Помнишь? Как рудники выработали и забросили, а наши трудяги местные без работы остались, и я к богачу тому наниматься пошел.

— Как не помнить? Едва с голоду не померли, натерпелись в ту пору.

— Он заявил, что в округе всем тяжело приходится. Предложил у него рудники эти пустые выкупить. Мол, ему налоги за землю платить, а с нас, бедняков, никто не спросит, и тогда он взамен найдет работу, да еще и напарникам моим бывшим поможет.

— Что со мной тогда сделалось! Дома и крошки хлеба нет, а ты последнее за рудники отдал.

— Отдал ведь, потому как поверил. Пошел, точно последний дурак, к нему об уговоре напомнить, а он в лицо рассмеялся. Поищи, говорит, чего в новых владениях своих, может, золото отыщешь. Еще и добавил потом, что работников у него хватает,

а вот служанка младшая приболела. Пусть, мол, дочка твоя за-
место нее работать придет.

— Ты ведь не пустил ее тогда, хоть она порывалась.

— Слухами, мать, земля полнится. Служанок он совсем мо-
лоденьких набирал, а они болели да мерли точно мухи. Чтобы я
свое дитя на такое обрек. А она ведь, помнишь, сама пошла.

Снова в гостиной воцарилось наполненное тревогой молча-
ние, будто родители перенеслись в то далекое прошлое, когда,
желая спасти семью от голодной смерти, их дочка устремилась в
дом к местному богачу. А я поежилась и обняла себя руками,
вспоминая сальную улыбочку, ощупывающий толком не офор-
мившееся тело взгляд, тяжелые руки на плечах и кошмарный
слюнявый поцелуй, когда язык противного старика проник в
рот.

— Думала, нас уберезет, — вырвал из мерзких воспомина-
ний голос отца. — Я тогда вовремя подоспел, кулак ему на баш-
ку опустил со всей силы, показалось, что на месте помрет, а он
выкарабкался, падаль такая.

— Кабы просто выкарабкался, ведь к правосудию обратился.
Обвинил тебя в нападении, компенсацию затребовал. К нам ко-
гда служители с бумагой заявили, сумму долга за урон пока-
зали, думала, удар меня хватит. Ведь до конца дней по такому
долгу не рассчитаться.

— Есть справедливость в мире, Лориона. Я лицо подлеца
этого вовек не забуду, когда пошла слава о новом открытом ми-
нерале, а у нас в рудниках залежи его, ну хоть с земли лопатой
соскребай. Он кинулся к законникам, а бумаги у меня как нуж-
но оформлены, сам ведь постарался в свое время. Еще и при
свидетелях продажу заверяли.

Отец весело расхохотался, а мама вторила ему тихим сме-
хом.

— А теперь при наших деньгах все для детей сделать можем,
но хотел я для дочки мужа особенного. А тен Лораны необыч-
ный род, Лора, необычный. — И отец с благоговением произ-
нес: — Защитники.

Когда вдоволь наговорившись и обсудив все новости, роди-
тели удалились в свою комнату, я тихонько зашла в гостиную и
поворошила кочергой еще тлевшие угли. Из-под золы показал-
ся белый кончик письма, и я осторожно вытащила его щипцами,
отряхнула и сдула черную пыль.

В гимназии нам рассказывали о зачарованной бумаге, не
рвущейся, не подверженной огню, воде и прочему разрушению.

В пламени, например, она сперва скукоживалась и чернела, а после быстро возвращала первоначальный вид.

Чары наводились на бумагу специально, чтобы важное послание достигло адресата в целостности и сохранности, и держались еще несколько часов после прочтения. Я успела извлечь письмо как раз вовремя, чтобы огонь не повредил красивых ровных строчек. Зажав его в кулаке, поспешила вернуться в комнату, где, устроившись на кровати, принялась рассматривать практически идеальный каллиграфический почерк, пытаясь угадать за ним человека.

Несмотря на то что в гимназии нас обучали искусству красивого письма, а попутно объясняли, как определить основные черты характера по почерку, разглядеть автора послания за ровными буквами оказалось непросто.

Симметрия, выдержанный размер, одинаковый наклон букв говорили лишь о торжестве каллиграфической эстетики, и у меня сомнений не оставалось, что письмо было составлено подобным образом нарочно. Вся эта художественная надуманность свидетельствовала скорее о четком разграничении, проводимом между автором и адресатом. Ведь, например, в дружеской переписке не следишь за выводимыми на бумаге буквами, а стремишься поскорее рассказать близкому человеку последние новости. Это же письмо было красивым, но холодным, церемонным и официальным. А внизу четко обозначился оттиск кольца с родовой эмблемой. Погладила его пальцем, ощущая вдавленные в бумагу линии. По виду рисунок напомнил мне крылья большой птицы, упрощенные и стилизованные, как сказала бы дона Юджина, преподавательница символики и схематичного черчения.

Я вновь взгляделась в уверенные буквы красивой формы и средней величины, отмечая ровные строчки и чуть более сильный нажим. В человеке, составившем столь идеальный отказ, можно было точно отметить твердость характера, невозмутимость и спокойствие. Однако, судя по манере письма, он мог находить компромиссы и был способен приспособиться к ситуации, вот только отличался еще и любовью к контролю, строгой последовательностью и даже непоколебимостью. Все это вместе играло точно не в мою пользу, а Эсташ тен Лоран, прежде чем прислать отказ, явно тщательно обдумал собственное решение и не был склонен его изменить.

Сделав подобный вывод и уверившись в бесплодности прежних надежд, я отважилась прочитать и сами изящные

строчки, буквально глотая короткие ясные фразы и почти не замечая вежливых формулировок.

«Уважаемый... Нашему роду и мне оказана большая честь... Отдельная благодарность от меня за вложенный в письмо портрет вашей прелестной дочери...»

Здесь я притормозила на минутку, концентрируя внимание на последующих предложениях.

«Не могу не отметить высокого мастерства исполнения — миниатюра дышит жизнью и, полагаяю, очень точно передает истинный облик очаровательного оригинала. Я не посмел оставить это произведение художественного искусства, поскольку вы, несомненно, пожелаете сохранить его у себя. Потому отсылаю портрет с ответным письмом, снабдив конверт защитными чарами».

«Прелестная и очаровательная»... Compliments, а точнее, дань этикету, даже немного польстили принявшему суровый удар самолюбию и придали сил дочитать главные и самые болезненные строчки:

«Вынуждены отклонить ваше поистине великодушное предложение. К огромному сожалению всего рода и моему лично, присутствуют определенные обстоятельства, вынуждающие повременить с женитьбой, а подавать надежду юным и привлекательным девушкам означает лишить их шанса более удачно устроить свою судьбу.

Остаюсь искренне Ваш Э. тен Лоран».

Я дочитала, вздохнула, а потом скомкала лист, и рассыпавшиеся чары позволили письму скукожиться в бумажный шарик, который я и запустила в противоположную стену. Великодушное предложение! Насмешка, не иначе! Завуалированный намек на явную попытку купить дочери мужа.

Бросившись к изящному письменному столу, выдвигая ящик за ящиком и выбрасывая на пол все вырезки из журналов и газетных статей, я и их вознамерилась подвергнуть участи письма. Напрасно собирала, напрасно пыталась хоть что-то узнать о нем. Гордец! Мама верно сказала.

И только схватившись за толстую книгу в дорогом кожаном переплете, я одумалась и бережно прижала свою ценность к груди. Редкая копия, сделанная с помощью уникального артефакта втайне от всех, точно не заслуживала быть разорванной на мелкие клочки. Книга о гимназии Царима, о самом здании и его прошлом. Один экземпляр хранился в библиотеке школы, а другой был только у меня и лишь потому, что об этой тайной и явно наказуемой уловке никто не узнал.

Одних влечет богатство и роскошь, другие любят шокировать и впечатлять окружающих, некоторые предпочитают поражать эрудицией, а я тяготела ко всякой древности, старине, пропитанной духом веков и овечьей славой. Оттого так сильно полюбила новый дом, построенный три века тому назад, хотя в прежнем ветхом жилище прожила целых двенадцать лет. Когда появились деньги, а с ними и возможности, я посетила все удивительные и знаменитые места, где прошедшие века тесно переплелись с магическим наследием. Однако самой привлекательной и манящей для меня оставалась закрытая гимназия Царима, построенная далеко на границе.

Это место было особенным, с совершенно невероятной историей, а под школу его отдали лишь три века назад. Я загорелась мыслью непременно поступить в гимназию, а папа и не подумал спорить, искренне веря, что его дочь достойна лучшего. После поступления я узнала об основателях — древнем роде тен Лоран.

Защитники! Одно слово пробуждало в людях трепет, а в моих мыслях Лораны совершенно невероятным образом стали частью духовного облика любимой школы. Я видела символику их дома повсюду, знала, какой вклад и кто именно внес в развитие гимназии. Более того, собирала всевозможные сведения: из газет, журналов, книг. Когда же поняла, что могу стать частью этого рода... Ох!

Меня не слишком волновало, каким окажется будущий муж, потому что с детства в голову прочно въелось убеждение, присущее большинству людей, о защитниках, как о созданиях без изъяна.

— Глупо, — вздохнула я, возвращая книгу в прежний тайник.

Глава 2 НОВЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Три месяца спустя

Занятие закончилось, но ученицы не спешили покидать классную комнату и выбегать в обширный холл женского крыла, чтобы немного размяться, а о чем-то приглушенно переговаривались.

— И почему ты не спрашиваешь, какую новость все обсуждают?

— Что? — Я отвлеклась от сложной схемы, похожей на кружевное плетение, и сосредоточила взгляд на подруге.

— У нас новый преподаватель, — вполголоса сообщила Селеста, — все уже в курсе.

— Ах, это. Слухи давно ходили. — Я собиралась вернуться к изучению схемы, когда подруга толкнула локтем в бок.

— Давно-то давно, но теперь известно имя.

— Имя? — Я нахмурилась, вынужденная вновь оторваться от сосредоточенного разглядывания тонких переплетений и без особого интереса ожидая подробностей.

Хотя узнать, кого пришлют для преподавания магической защиты, было, с одной стороны, любопытно, но на перемене я надеялась разобраться в непонятых моментах схематического плетения, а после занятий отправиться с уже подготовленными вопросами к преподавательнице.

Не желая, чтобы другие девушки услышали, Селеста склонилась к моему уху и выдала:

— Держись за стул, иначе упадешь. Это Эсташ тен Лоран.

Что?!

Я непроизвольно сжала пальцы, хватаясь пусть не за стул, но за столешницу.

— Это шок, правда? — спросила Селеста, пока я пыталась совладать с собой.

Не верить подруге не было причин. Недаром она приходилась родней нашему директору. Селеста узнавала самые горячие новости прежде остальных и всегда бежала сперва ко мне, чтобы ими поделиться.

— Д-да. — Я запнулась, отвечая, и положила руку на грудь, из которой норовило выскочить сердце.

Девушка так стремилась поразить меня неожиданным известием, что всю гамму эмоций, вызванных упоминанием одного из самых известных имен страны, отнесла лишь на счет моей растерянности.

— Ты поняла теперь? — продолжала она делиться главной сенсацией. — У нас будет преподавать сам тен Лоран!

Фамилия знатного рода прозвучала с положенным придыханием.

А мне труднее было не понять, а скорее признать тот факт, что отвергший меня мужчина вскоре станет моим же учителем.

— Они... — Я сглотнула, стараясь выровнять голос. И пусть изъяснялась шепотом, однако слишком боялась, что Селеста распознает панические нотки, способные навести ее на какие-то

подозрения. — Они аристократы, пусть и обедневшие. Что заставило его пойти в преподаватели?

— Я слышала, дела у рода совсем плохи, особенно после того, как Эсташ отверг кандидатуры предложенных невест.

При этих словах сердце застучало как бешеное. Неужели она знает? Какой позор! Но последующие слова подружки показали, что моя тайна до сих пор оставалась только моей.

— Богатейшие невесты Кенигхэма готовы все отдать, чтобы выйти за главу этого рода, а он тянет с выбором. Денег как не было, так и нет, вот Эсташ и выбрал работу учителя.

Подруга вдруг отвернулась, посмотрев в сторону отворившейся двери, а в пространстве, еще минуту назад наполненном девичьим гомоном, воцарилась необычайная тишина. Мы, как положено, подскочили со своих мест и присели в поклоне, приветствуя директора, но только у одной меня подкосились колени, когда вслед за ним вместо старенького, шаркающего ногами ариса¹ в класс вошел незнакомый мужчина.

«Это он!» — отстучало сердце, и кровь прилила к голове.

Несложно было догадаться, что статный и высокий молодой человек в учительской форме и есть тот самый тен Лоран.

Мне прежде не доводилось видеть потенциального жениха в лицо или же на портрете. Просто так достать изображение хоть кого-то из членов знаменитых родов было невозможно. Реалистичные образы, создаваемые с помощью современных художественных чар, позволяли практикующим магическую порчу навести ее по портрету, а ставить защиту от каждого желающего досадить потомку прославленной фамилии обошлось бы недешево.

Родители располагали лишь общими сведениями: Эсташ молод, одарен родовой магией и воспитан в соответствии с аристократическими традициями. И этого оказалось достаточно. Браки в стране в большинстве своем так и заключались — по договоренности. Многие частенько прибегали к услугам свах, обладающих соответствующими магическими навыками. Ну а в случае с родом тен Лоран и вопроса такого не стояло.

«Безусловно, он», — вторил интуиции разум. Узкий шаг, точно ноги ступают по одной прямой линии, твердая, но не тяжелая поступь уверенного в себе человека, легкая улыбка, способная расположить собеседника с первого взгляда, плавные красивые движения и лицо...

¹ А р и с — уважительное обращение к учителю.

Я опустила взгляд. Не рассмотрела. Чувства душили, клоко-тали внутри, и перед глазами встала мутная пелена. Следовало взять себя в руки, отвлечься, например, на спокойный голос нашего директора, но неприятные мысли насакивали друг на друга, теснились, точно головастики в крошечной банке, ехидно шептали: «А не высоко ли вы с родителями замахнулись? Ты недостаточно хороша для этого мужчины. Ничем выдающимся, кроме денег, не обладаешь». А злость отвечала: «Неужели у древнего рода больше прав на гордость, чем у простых, но достойных людей?»

Я слишком шумно втянула носом воздух, но этот звук потонул в пронесшемся по рядам учениц приглушенном вздохе. Им уже сообщили имя, и это оказалось такой неожиданностью, что девушки не смогли сдержаться.

Счастливицы, кому выпала удача поступить в высшую гимназию светлейшего Царима, были слишком хорошо вышколены суровой дисциплиной элитного заведения, чтобы выдать свое удивление громкими возгласами, однако и сохранить бесстрашие и спокойствие ни у кого не вышло. Все так и устались в одну точку, с жадностью разглядывая защитника.

Кто их хоть раз в жизни видел? Весьма узкий круг избранных? Закрытые клубы, закрытые дворцы, закрытая жизнь. А здесь целый преподаватель, наш собственный, лишь немного отличный от привычных мужчин, чуточку другой, самую малость не совсем человек.

Я ведь и сама попала под очарование этого образа. Не сейчас, а раньше, когда мечтала о свадьбе. Это как древний идол, вдруг сошедший с гравюр. Настоящая знаменитость, чье имя упоминалось лишь в светских колонках газет и респектабельных журналов. Как было не загореться идеей о браке в ожидании новых перспектив и возможностей? Да я уже представляла у собственных детей могущественную магию рода тен Лоран, пока меня не вернули обратно на землю.

Правда, я немного успокоилась за эти три месяца, а сейчас весь коктейль обиды, гнева, несправедливости от рухнувших надежд, растерянности и унижительного чувства собственного ничтожества вспыхнул с новой силой. Упрямо тряхнув переполненной мыслями головой, решила рассмотреть несостоявшегося мужа и снова вздохнула, не шумно, а с затаенной горечью. Овальное лицо с высоким лбом и идеально ровным носом, миндалевидные глаза, казавшиеся темно-серыми, с густыми ресницами и изогнутыми дугами бровей, четко обрисованные скулы, красивые губы и узкий подбородок. Практически совер-

шенный образец настоящего аристократа, который можно изобразить, например, в учебнике в качестве наглядного пособия.

И ведь немало парней, обучающихся в мужском крыле, пытались пригласить меня на свидание, а некоторые девчонки старательно прятали зависть. Вот бы они обрадовались, узнав о моем унижении! Начались бы смешки и сплетни за спиной, подначки, подколки и прочие обидные вещи. Этого, признаться, я до сих пор боялась.

— Добрый день. — Спокойный глубокий голос вклинился во внутренний монолог. Приятный, ласкающий слух. Есть такие голоса, что плавают волю, даже мурашки по коже, и хочется прислушиваться и прислушиваться, закрыть глаза, отдаться звучанию, как музыке, не разбирая смысла слов. Благо проскочившая мысль, как бы восхитился подобным баритоном наш утонченный учитель стихосложения, вовремя вернула меня обратно в класс. Я просто наяву услышала его писклявый голосок и восторженные, витиеватые эпитеты.

Ответ гимназисток прозвучал неслаженно и в явном диссонансе, точно не я одна оказалась сражена обычным приветствием.

— Хотелось бы сперва познакомиться с вами. Я буду называть ваши имена, а после прошу садиться.

Уверенный бесстрастный тон не располагал к спорам или возражениям, потому никто и не подумал забросать нового учителя вопросами.

— Аделаида де Ланто!

Гимназистка позади меня поклонилась и села.

— Роберта Диарго!

Все больше девушек садилось, все меньше оставалось стоять. Лишь бы не оказаться последней, от перенесенного потрясения меня еще ощутимо потряхивало.

— Мариона Эста.

Это я!

Как хорошо, что не воскликнула вслух и сообразила поклониться, но плохо, что замешкалась. Вместо положенного поклона и спокойного возвращения на скамью осталась стоять под изучающим взглядом мужских глаз.

Даже удивительно, как все в этом человеке сочеталось непостижимо совершенным образом. И если из урока в урок нам столько твердили о хороших манерах, об умении держаться в обществе, то теперь перед глазами предстал наглядный образец. Аристократические принципы в действии: чувство собственного достоинства, внутреннее спокойствие и уверенность, безу-

пречное самообладание, словно ничто и никогда не могло вывести этого человека из равновесия. А еще добавить к этому сильную гибкую фигуру, отлично обрисованную пусть и форменным, однако безупречно сидящим камзолом преподавателя и ровными, без единой морщинки брюками. Даже рубашка и стоячий воротничок выглядели на тон светлее белой казенной рубашки того же директора. Как нам массу раз повторяли на уроках — безупречный вкус, ухоженность и стиль можно проявить, не тратя баснословных денег на дорогие наряды и личных портных.

А еще Эсташ тен Лоран обладал этим особым даром нравиться окружающим. Не выглядеть чрезмерно манерно или вычурно. Даже проговаривая обычные слова, демонстрировать уважение к собеседнику и казаться довольно сдержанным, чтобы и в жестах, и в выражении глаз не допустить излишнего бахвальства или, напротив, ненужной церемонности, но при этом сохранить между вами незримую черту.

Интересно, а помнит тен Лоран имена несостоявшихся невест?

— Можете садиться, — произнес Эсташ к моему стыду. Я совершенно забылась, продолжая стоять, а преподаватель не мог продолжить знакомство с другими ученицами.

— Благодарю. — Колени мелко подрагивали и, стараясь сесть невозмутимо и с достоинством, я вынуждена была опереться рукой о стол.

Какое пренебрежение идеальными манерами, согласно которым девушка должна быть подобна легкокрылой бабочке. Даже если она натерла ноги в узких туфлях, то не позволит никому заметить — будет улыбаться, и уж тем более не станет тяжело опираться о ближайшую опору.

Ох, Маришка, так опростоволоситься!

Погрузившись в собственные мысли, сосредоточившись на изучении движений, жестов и мимики человека, который, как я полагала, жестоко оскорбил и меня, и родных, умудрилась пропустить не только уход директора, но и сам урок. Предполагалась вводная лекция, поскольку прежде магическая защита преподавалась с исторической и теоретической точки зрения, а сейчас приближалась пора практики. К ней переходили именно на четвертом курсе, но исключительно в рамках самообороны, большего воспитанным девицам знать не полагалось. У мужчин курс велся несколько иначе.

Новый преподаватель должен был рассказать о принципах магической самозащиты, своих требованиях и структуре заня-

тий, а я все пропустила, потому что размышляла о несправедливости судьбы и сетовала на оказавшиеся правдой слухи об идеальности защитников. Что стоило Эсташу оказаться страшным или противным, вызывающим отторжение, пресекающим на корню уже позабытые сожаления о том, что не довелось носить фамилию тен Лоран? Хотя бы из уважения к отвергнутым девушкам. И как аристократическая гордость позволила ему опуститься до преподавания? Нельзя, конечно, сравнивать воспитание будущего поколения с торговлей или сферой обслуживания, но почему судьба привела его в мою гимназию? Шел бы преподавать в иное место, и не важно, что эта школа — детище их рода.

Селеста толкнула под локоть и прошипела:

— Ты что сидишь, уже колокольчик прозвонил!

Я мгновенно подскочила, опять же слишком поспешно и суетливо, и принялась быстро собирать письменные принадлежности. Класс стремительно пустел, и я торопилась, боясь остаться последней и оказаться почти наедине с молча наблюдавшим за нами тен Лораном. Но лучше бы так не спешила и пошла как следует, спокойно и степенно. Когда больше всего стремишься избежать неловкой ситуации, частенько в нее попадаешь. Меня угораздило споткнуться. Зацепилась каблуком за металлическую полоску, приклеенную к ровному дощатому полу и отошедшую с края как раз рядом со столом преподавателя. Сумка слетела с плеча, содержимое оказалось на полу, а я упала на колени и не стукнулась носом, потому что успела упереться ладонями в пол.

— Ой, Мариша! — вскрикнула Селеста. — Ты в порядке?

— Да, да, в полном, — отозвалась, быстро поднявшись с помощью подруги. Хорошо, что свидетелями еще одной неловкости было совсем мало гимназисток. Все стремились покинуть класс, чтобы всласть поболтать о новом учителе.

Я подхватила Сешу под руку и потащила к двери, а оказавшись рядом с выходом, услышала голос преподавателя:

— Тэа¹ Эста, ваша сумка.

Густо покраснев, прерывисто вздохнула. Селеста тоже ойкнула, приметив мой последний промах, но молча выскользнула в коридор, а я повернулась и заставила себя дойти до стола. Еще большую неловкость ощутила, увидев, как Эсташ присел на корточки, чтобы собрать ученические принадлежности. Словно

¹ Тэа — ученица, гимназистка. Вежливое обращение к девушке, обучающейся в высшем учебном заведении.

ему, представителю великого рода, пристало складывать в женскую сумку девичьи мелочи, среди которых, кроме ручек, карандашей и записных книжек, оказалась парочка заколок, пудреница, замысловатый гребень и засушенный цветок (дар поэтичного поклонника, используемый в качестве закладки). Впрочем, тен Лоран не касался моих вещей, он одним мановением руки отправил все предметы на место.

— Возьмите, Мариона, — с располагающей улыбкой сказал Эсташ, протянув сумку. Это он умудрился запомнить меня среди тридцати учениц? Или просто с той же легкостью фиксировал облик конкретного человека и ассоциировал с его именем, с какой собирал не менее десятка предметов одновременно? Так просто взял и слевитировал вещи разной массы и разного размера, не прибегая к ухищрениям вроде сложных плетений и замысловатых пассов руками.

Я кивнула, принимая сумку. Вдруг он все же помнит меня как потенциальную невесту? И их всех тоже помнит, даже назовет без запинки? Прямо всю сотню назовет, или две, или три.

Глаза мужчины смотрели серьезно, а улыбка таилась в уголках губ, и выражение лица было таким, что не могло бы вызвать неловкости у собеседника. Эсташ не принялся излишне тревожиться или иным образом напоминать о неудобной ситуации, намекать на то, что я явно склонна витать в облаках и не смотреть себе под ноги. Он просто сделал вид, что ничего не произошло. Я была за это благодарна и... злилась на него еще больше. Нельзя быть слишком идеальным! Это заставляет других ощущать себя неполноценными, очень нервирует и не дает расслабиться.

— Большое спасибо. — Благодарность прозвучала как обвинение, явившись отголоском моих мыслей, и я поспешила исправиться, пробормотав на порядок вежливее: — До свидания, арис Лоран.

Потихоньку пятясь в сторону выхода, снова зацепилась за злополучную полоску. От очередного унижительного падения уберег тот, от кого старалась поскорее сбежать.

— Будьте осторожны, тэа, — вымолвил он, опуская вскинутые руки и рассеивая магию, которая помогла мне не плюхнуться позорно на мягкую точку.

— Конечно! Благодарю.

Я наконец-то вырвалась из класса.

Тен Лоран проводил задумчивым взглядом милovidную темноволосую девушку, торопливо покинувшую классную ком-

нату. Мягкие черты лица, большие зелено-карие глаза, пышные волосы и безукоризненный внешний вид. Отшлифованная драгоценность своих родителей, которые стремились дать дочери все лучшее, включая и аристократическое образование в старейшей элитной гимназии.

Тот самый род Эста — владельцы рудников, разбогатевшие после открытия свойств редкого металла. В одночасье эти люди стали одними из богатейших в стране.

Эсташ слегка качнул головой в ответ на собственные мысли, о которых невозможно было догадаться ни одному постороннему наблюдателю. Спрятанные глубоко внутри и надежно укрытые за внешней броней отточенных безукоризненных манер, они не выдали себя даже мимолетным проявлением в мимике спокойного лица.

Глава 3 ЗАНЯТИЯ

— «Без осанки конь — корова», тэа. Запомните золотые слова.

Все тридцать юных девиц застыли в полуприседе, согнув переднее колено. Они вытянули руки вверх, вторую ногу отведя назад, и старательно тянули носочек.

— Рук не опускаем! — послышался легкий шлепок, и кто-то позади меня тоненько пискнул.

— Ой! — Мне прилетело хлесткой указкой с плоской резиновой плашкой на конце прямо по пояснице.

— Тэа Эста, вульгарно так отключивать задние формы. Уберите прогиб!

— Это естественный прогиб, дона Солоне, — пропыхтела я в ответ, — мне некуда его убрать.

— Втяните! — и не подумала сжалиться наша строгая преподавательница предмета, который так и назывался «выправка и осанка».

Получив еще один ощутимый удар пониже поясницы, я попыталась втянуть разом все формы, которыми наделила природа, и услышала тихий стон Селесты: «Я сейчас упаду».

— Стыдно, тэа! — попеняла Солонка (которую мы называли так исключительно шепотом, предварительно оглядевшись по сторонам). — Вы пришли в гимназию светлейшего Царима, дабы получить истинно аристократическое воспитание, но и не думаете стараться! Правильное воспитание — ваше будущее.

В методиках этой великой школы собрано все лучшее, а потому запоминайте, перенимайте, не подражайте, но учитесь чувствовать. Любое подражание выглядит фальшиво, а вам нужно проникнуться. То, что не смогли дать родители с детства, дадим мы, преподаватели. Быстро поменяли позиции!

Пока мы, положив ладони на затылок и разведя локти в стороны, отклонились влево и усиленно тянули носок правой ноги, худая, точно щепка, но обладавшая поистине безупречной выправкой Солоне продолжала наставлять:

— Осанка — это гармония души, тела и разума. А потому не пыхтим и не сопим, тэа. Пошли! Ровно, легко и с улыбкой. Ставьте ногу вначале на носок, не втягивайте голову в плечи, не переваливайтесь, словно утки, иначе все как одна проходите до вечера в корсетах.

Такая кошмарная угроза заставила нас вытянуться по струнке. Никому не хотелось оказаться закованной в невидимый, но жутко неудобный магический панцирь, в котором не только дышалось с трудом, но и едва ли можно было нормально поесть. А уж оказаться виновницей заключения в корсеты всего класса было худшей карой, ведь пострадавшие потом стремились отомстить. Единственный плюс — осанку такие суровые методы выправляли идеально и абсолютно у всех. А потому, усиленно сведя лопатки и сцепив за спиной руки, гимназистки бодро и с улыбками замаршировали по комнате, точно заправские гвардейцы.

— А теперь присели, плечи расправили, ноги не скрещиваем.

Уместиться на низкой и узкой скамеечке боком друг к другу и сохранять ровную спину, вытянув при этом ноги вперед, тоже было задачей не из легких, поэтому вторая партия девочек обычно вставала на колени напротив и держала сидящих за щиколотки, чтобы те не завалились назад.

— Если не дотяну до окончания гимназии, — прошептала сидящая рядом Селеста, — то только благодаря этому уроку.

— Меняемся местами.

Теперь мы встали на колени, при этом даже в такой позе требовалось не опускать голову и не сгибать спину, иначе указка преподавательницы в тот же миг без особой жалости проходила по поясницам.

— На перекладину!

Пыхтя и обливаясь потом, мы ухватились руками за деревянные поручни и поднялись на цыпочки, почти повиснув и напоминая ровные ряды спелых груш на ветке.

— На доску!

Стоять одним коленом на ровной, но узкой доске, вытянув в стороны руки, и не свалиться с нее тоже было великим достижением.

— Легко сошли, улыбнулись, поклонились и закончили.

Бурный и единодушный вздох облегчения сопутствовал окончанию занятия.

Селеста, буквально умиравшая на уроке осанки, поторапливала меня все время, когда мы освежались и меняли тренировочные костюмы.

— Куда ты торопишься? До следующего занятия еще полчаса.

— Если мы поспешим, то дойдем до класса по главному коридору.

— Но это же дольше всего, практически в обход!

— Зато там пройдет Эсташ тен Лоран, когда у него закончатся занятия со вторым курсом. Видишь, раздевалка почти пуста. Все девчонки умчались именно туда.

— Ну и пускай! — Я фыркнула и затянула потуже пояс школьного платья. — Зачем нарочно попадаться ему на пути, если завтра первое практическое занятие?

— Чтобы заметил. С невестой он до сих пор не определился, зачем упускать такой шанс?

— Я думаю, в толпе всех «спешащих» на следующее занятие гимназисток мы с тобой просто потеряемся. Идем обычным переходом, который короче.

— Знаешь, Мариона, так нечестно.

— Что нечестно?

— Ты во время урока намеренно привлекала его внимание, упала ему буквально под ноги, а теперь отказываешься идти со мной.

— Я же случайно! — От подобной формулировки я даже растерялась. — Каблуком зацепилась.

— А девчонки считают, что решила сыграть на инстинктах защитника. Кстати, я думаю, многие постараются перенять твою манеру.

— Мою манеру?

— А чем не идея — попадать в трудные ситуации, чтобы Эсташ спасал?

Я ужаснулась, представив, сколько попавших в беду девиц придется выручать защитнику, а потом рассудила, что он, как умный человек, мог предположить нечто подобное, устраиваясь в гимназию, а значит, и переживать за него не стоит.

— Идем же, идем! — Заметив, что я закончила переодеваться, Селеста ухватила за руку и потянула на выход. Я, конечно, ничего не теряла, идя на поводу у подруги, поскольку искренне полагала, что тен Лоран не разглядит обеих в толпе. Коридоры гимназии не отличались шириной, и преподаватель явно не станет рассматривать протискивающуюся мимо него вереницу девочек. Зато подруга не будет обижаться, а потом долго припоминать этот случай.

Закинув на плечо сумку, я последовала за Селестой по узкой винтовой лесенке вниз, к главному коридору, когда на выходе столкнулись с доной Лаурой, преподавательницей магических плетений.

Мы обе присели в поклоне, но если подруга спешила поскорее продолжить путь, то я надумала задержаться, чтобы задать доне интересующий меня вопрос.

— Вы что-то хотели, тэа? — вежливо поинтересовалась наша молодая и самая очаровательная учительница, улыбнувшись нетерпеливо переминавшейся рядом Селесте.

— Если позволите, дона, я бы желала выяснить один вопрос. — Подруга грустно вздохнула.

— Прошу.

— Какого класса плетение нужно создать, чтобы одним движением руки сдвинуть сразу несколько предметов и поместить их в одно место?

— Не сочтите за оскорбление, тэа, это магия не вашего уровня, здесь формируются совершенно иные связи.

— Могут ли я уточнить их природу?

Селеста показала мне знак из-за спины преподавательницы и, когда я легонько кивнула, поспешила дальше.

— Конечно, без примеров объяснить сложнее, эта тема больше подходит для консультативных часов, но если вы не планируете разбираться в сути, а удовлетворитесь общими объяснениями, я отвечу на вопрос.

Продолжая разговор, дона Лаура принялась подниматься по лестнице, видимо, направляясь в преподавательскую башню, а мне ничего не оставалось, как пойти вместе с ней.

— Ответьте мне, Мариона, как мы работаем с вещами, когда перемещаем, раскладываем на части или же собираем?

— Мы создаем плетения, дона Лаура.

— Верно. А как вы будете воздействовать, например, на одушевленный предмет, скажем, на человека?

— Задействую внутреннюю силу.

— Несомненно. А теперь представьте взаимодействие обоих методов. Вспомните основные принципы, которые я повторяю вам на каждом уроке вот уже более трех лет.

— Концентрация и внимание — это то, что требуется от нас при создании сложных плетений.

Вспоминать принципы мне не пришлось, они настолько крепко укоренились в сознании, что при плетении даже простейшего узора каждая из нас входила в состояние глубокой сосредоточенности.

Первый год мы начинали с обычного вязания, создавали с помощью тонких спиц ажурные салфетки и кружева, после все вспомогательные средства у нас отобрали и заставили связывать нити с помощью магии. Помню, как первое время от напряжения дрожали руки, сложно оказалось удерживать настоящие нити в миллиметре от кончиков пальцев.

А когда мы овладели этим навыком, преподавательница заставила тренировать скорость. Всего лишь минута давалась на то, чтобы создать настоящий, пусть и небольшой узор. С течением времени росла сложность рисунков, а затем из вспомогательных средств исчезли и нити. Их место заняли почти незримые магические волокна простейших заготовок, вроде картонных карточек и гладких шаров, входящих в обычные ученические комплекты. После того как мы научились ловить незримые, тоньше волоска паутинки, вместо стандартных заготовок, упрощающих процесс, получили на руки другие предметы.

Теперь главной задачей было ощутить ауру выданной вещи, уловить энергетические потоки вокруг нее, напоминавшие те самые нити, а зачем четко представить, что мы хотим с этим предметом сделать. Если целью было переместить его на определенное расстояние, следовало быстро сплести магические волокна в определенный узор, представляющий собой отталкивающий символ. Все необходимые символы изучались нами на другом уроке — символике и схематическом черчении, а к третьему курсу уже рисовались с закрытыми глазами.

— То есть вы либо создаете плетения, что не вызывает расхода внутренней энергии, зато требует времени и большой концентрации на самом узоре, либо задействуете вашу силу. Использовать внутренний резерв для вещей будет настоящим расточительством, это вызовет сильное напряжение, может привести к перерасходу энергии, хотя и является более быстрым способом воздействия.

— Вы сказали о комбинации обоих воздействий, но прежде подобное даже не упоминалось, ни в классе, ни в учебниках.

— Правильно, Мариона. Подумайте только, до чего могли бы дойти ученики, стремясь поскорее справиться с заданием. Сочетать оба способа, связывать свою силу с энергетическими нитями вещей могут единицы из сотни магов, и им не требуются плетения. Способ древний, сейчас почти не применяется, поскольку это слишком деликатные материи, здесь должно присутствовать особое чутье. Объясняя принципы всем гимназистам, мы бы добились только того, что ученики, вообразив себя опытными и всесильными, могли перерасходовать собственный резерв. А зачем нам переполненный лазарет? А вдруг кто-то не остановится, даже ощутив слабость? Если ученик доведет себя до полного изнеможения, а потом не выживет? Вот, например, у вас, Мариона, сейчас загорелись глаза. Однако не рекомендую заниматься экспериментами. Я рассказала вам лишь потому, что считаю разумной девушкой. Другим ученикам об этом знать нежелательно. Принципы воздействия четко разделены не просто так. Мы договорились?

— Конечно, дона, благодарю вас. — Я склонилась в поклоне, а преподавательница кивнула и скрылась за дверью в башню, к которой мы незаметно дошли.

Теперь у меня совсем не оставалось времени, чтобы идти в главный коридор. Я бы попросту опоздала на начало занятий.

Подойдя к краю ровной площадки, я посмотрела на надежный каменный переход между башнями, располагавшийся уровнем ниже. Вся наша гимназия состояла из таких отдельно стоящих и устремленных в небо монолитов. Для перемещения чаще использовались именно каменные коридоры, напоминавшие удлиненные беседки. Однако имелись и другие пути — сократить дорогу можно было по веревочным мостикам.

Приблизившись к статуе застывшего у самого края золотого крылатого воина, я на миг замерла, оглядывая окрестности. Селеста не раз говорила, что школу на горе среди ущелий и лесов вряд ли можно назвать элитной. Однако статуса гимназии Царима эти ее сожаления никак не меняли. Зато с высоты, куда долетала не всякая птица, точно на ладони открывался просто изумительный вид.

С одной стороны блестело озеро, широкое, очень глубокое и тянущееся почти до горизонта. По слухам, оно осталось на месте древнего моря, бурного и смертельно опасного. Здесь всегда дули сильные ветра и бушевали шторма, палубы и мачты кораблей покрывались коркой льда. В его воды старались не заходить

суда рыболовов и обычных мореплавателей, разве только самые отчаянные авантюристы иногда хотели испытать себя на прочность. В прелестном озере, выглядевшем столь романтично с высоты, тоже нельзя было купаться. Спокойная поверхность приходила в волнение, едва к воде приближалось любое живое существо. Я вычитала в старой книге, посвященной гимназии, что по воде существовал проход — узкая дорожка теплого течения, которая пересекала озеро, точно тайная тропка пересекает дремучий лес, но никто не рисковал отправиться вплавь на ее поиски.

Кстати, страшный дремучий лес здесь тоже имелся, и в нем гимназистам не рекомендовали гулять. Это был весьма протяженный отрезок абсолютно дикой природы. Стоило миновать небольшой зеленый луг и чуть углубиться в лес, как он оживал. Прогулка среди странной растительности была чревата различными повреждениями, самое безобидное — укусами шипастых кустарников или плевками ядовитых лиан. Моя изумительная книга упоминала о способе успокоить буйное царство, но без подробностей.

С третьей стороны простиралась равнина, выглядевшая на редкость безобидно. Она не пугала глубиной прозрачной синевы или темнотой зеленых просторов, а выглядела как ровная поверхность с низкорослой пожелтевшей травой. Ничего иного здесь произрастать и не могло, поскольку само место так и называлось долина Ураганов. Если вдруг у кого-то отказывал инстинкт самосохранения и возникало желание подойти ближе, он мог наблюдать возникновение черных вихрей, и не одного, а целого десятка, круживших по равнине, но не покидавших ее пределов.

Часы на центральной башне вдруг пробили три раза, и я мигом отвлеклась от зачарованного любования и с силой нажала на ладонь скульптуры. Послышался щелчок, после которого дорожка дощечек развернулась от одной башни к другой, а с двух сторон протянулись веревочные перила. Как и большинство гимназистов, я предпочитала не пользоваться подвесными переходами из-за частых ветров, заставлявших веревочные мостики нещадно раскачиваться и надсадно скрипеть. Казалось, что они вот-вот рассыплются прямо под ногами. Некоторые старшекурсники любили пугать старинными байками, как из-за неисправности механизма переходы могли сложиться прямо под шагающим по ним человеком, а внизу пропасть.

Однако я задержалась и требовалось спешить, поскольку опоздания в гимназии карались сурово.

Ухватившись покрепче за перила, осторожно ступала по широким дощечкам, когда неожиданно сильный порыв ветра качнул мостик и вдруг донес до ушей чьи-то слова:

— Сколько в школе защитников?

Не узнать этого спокойного, чуть певучего голоса я не могла, поэтому тотчас же остановилась и стала оглядываться. По переходу, уровнем ниже, шел директор и тен Лоран. Мой мостик повис между верхними площадками башен, немного правее, однако, если бы оба подняли головы, могли бы с легкостью заметить меня. Все бы ничего, но директор не рекомендовал пользоваться веревочными мостами в одиночестве, особенно в ветреную погоду. А сейчас коварный ветер вдруг стал набирать скорость, словно только и ждал, когда я воспользуюсь шаткой конструкцией.

Веревочные перила закричали, дощечки под ногами заходили ходуном, я услышала: «Если считать вас...» — конец фразы потонул в завываниях усиливающегося ветра. Уцепившись за канаты посильнее, я всерьез задумалась, а не лучше ли поползти, поскольку с каждой секундой делалось все страшнее. Еще и директор с тен Лораном так не вовремя объявились и вот-вот могли заметить. Какая нелегкая принесла их сюда, когда тот же Эсташ должен был в данный момент протискиваться мимо целой толпы гимназисток, мечтая вырваться из главного коридора живым! Тут же осенила догадка, что наш защитник предвидел подобный вариант событий и как его будут отлавливать после занятий, а потому пошел в обход. Иначе он просто не мог оказаться в переходе, по которому шагал сейчас вместе с директором. Какое разочарование для целого класса девиц!

Неожиданно мост качнуло так сильно, что я негромко охнула, а вцепившиеся в перила пальцы совсем побелели от напряжения. Директор на мой тихий возглас никак не отреагировал, он его попросту не услышал, а вот Эсташ... Тен Лоран мгновенно напрягся, словно я во всю мощь легких призывала на помощь, вскинул голову и, конечно, тут же заметил.

По всем правилам, мне следовало поздороваться и поклониться, а вместо этого я упала на колени, так как качало просто жутко.

Глава гимназии, ощутивший резкую остановку собеседника, обернулся, проследил за взглядом защитника, увидел меня и закричал, перекрывая завывания ветра:

— Тэа, что вы там делаете?

Никогда не понимала привычки задавать очевидные вопросы. Ведь очень хорошо видно, что я здесь раскачиваюсь прямо над бездной.

— Иду на урок, директор! — крикнула в ответ, но даже не сделала попытки подняться с колен, пока ветер гнул и желал закрутить веревочные канаты. Взгляд, как назло, скользнул мимо деревянных дощечек, и я гулко сглотнула, обзрев бездну во всей ее скалистой красоте.

— Тэа Эста, это вы? Зачем вы забрались на мост? Я запрещал пользоваться веревочными переходами в такую погоду! Немедленно слезайте!

Куда, спрашивается, мне слезать?

— Я бы рада, но мост качается.

— Я сказал немедленно, тэа! Сию секунду. Поднимайтесь, держитесь крепко и бегом до ближайшего края!

Никогда громкие крики не заряжали меня храбростью, и сейчас чуда тоже не произошло.

Директор с досадой стиснул зубы, ругая про себя непослушных гимназисток последними словами и пытаясь придумать, как заставить девушку пересечь мост, поскольку оставаться на нем дольше при подобных сильных порывах становилось все опаснее.

— Я сказал живо, тэа Эста!

— Уже ползу, директор!

— Вставайте на ноги, сколько вы так будете ползти?

— Она боится, — донеслись негромкие слова защитника.

— Так надо было додуматься забраться на мост! И что делать с этими детьми?

Вместо ответа тен Лоран вдруг протянул к девушке руки, точно он предлагал ей прыгнуть, а сам собирался ловить. Глава гимназии даже успел удивиться, прикинув абсолютную невозможность допрыгнуть до каменного перехода, но веревочный мост вдруг перестало качать.

Директор открыл рот... и закрыл. На долю мгновения ощутил дрожь, как всегда бывало, стоило лишь почувствовать рядом чуждую силу, непонятную, мощную, мало кому доступную. Таковую, которая была способна остановить ветер. Захотелось даже призвать к порядку своего официального подчиненного, тратившего столько энергии на помощь ученице. Раз совершила глупый поступок, сама бы выбиралась, а впредь запомнила науку. Но пришлось промолчать. Редко кто решался спорить с защитниками.

Стоило мосту перестать раскачиваться, как девушка быстро взглянула вниз, а после, не теряя времени, спешно поднялась на ноги и меньше чем за минуту добралась до другого края. Благо сообразительность не отказала ей в нужный момент и не пришлось вновь кричать и прибегать к словесным угрозам.

— Благодарю вас, арис, — присела она в поклоне, остановившись на краю. — Спасибо, директор.

И о хороших манерах не забыла, вы смотрите!

— После занятий ко мне в кабинет!

Девушка снова поклонилась, поспешно активировала механизм, сложивший мост, и побежала на урок.

— Эх, — вздохнул глава школы и взглянул на преподавателя. Эсташ уронил руки, и ветер завыл еще яростнее. — Ну зачем вы, арис Лоран? Как еще учить этих детей, если не на их же ошибках?

— Я не против вашей методики, директор, — склонил голову защитник, и голос его звучал глуше, чем обычно, — но я не могу выносить чужой страх.

Глава 4 НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

— В итоге ты одна вовремя пришла, — почти осудила меня Селеста, когда мы встретились вечером в комнате.

Я прибежала в класс за минуту до звонка, обнаружила в нем только дону Юджину, преподавательницу символики и схематического черчения. Как следствие, наказали всех девчонок, кроме меня. Впрочем, это Селеста еще не знала о каре, придуманной для меня директором, но пока я не решалась ей рассказать о случившемся на мосту и о том, почему в эти выходные лишена встречи с родителями.

— Вот скажи, что понадобилось тебе так срочно узнавать у нашей плетуньи? Новый узор не получается? Что?

— Я узнавала о даре рода тен Лоран.

— А? — Интерес подружки мгновенно вырос, а раздражительность снизилась на несколько градусов.

— В классе я наблюдала, как движением руки он поместил предметы обратно в сумку, а когда так удачно встретила дону Лауру, конечно же захотела об этом спросить.

— О! — Селеста стиснула руки, в глазах ее загорелся настоящий восторг. — Даже без плетений? Просто махнул — и все пе-

ремеслил? Какой же он сильный! Я слышала, их родовая магия — это нечто, но подумать только!

— Пф. — Ироничное фырканье долетело со стороны нашей третьей соседки, Доминики. — Было бы чему удивляться. Для защитников это сущий пустяк.

— Ой, ой, — передразнила Селеста, — а кто тут, самый умный, снова от любимых книжек отвлекся? Ты больше всех о защитниках знаешь!

Я толкнула подругу локтем, чтобы не задирала нашу соседку. Доминика была хорошей девушкой, хоть и отличалась патологической любовью к книгам, а ее манера всех поучать порой раздражала.

— Еще бы, — и не подумала смутиться Доминика, — больше вашего.

— Откуда? — спросила я, пока Селеста вновь не принялась плевать ядом. — Книг о них нет, в обществе, кроме слухов, нет никакой достоверной информации, разве только об их светской жизни.

— Информации и не может быть. Она вся хранится в тайне, а я знаю, поскольку мой прапрапрадед в этих башнях когда-то лично общался с защитниками и даже прожил здесь какое-то время. Все, что узнал, записал в дневнике и завещал хранить его в семье.

— И что ты такого знаешь, чего никто другой не знает? — усмехнулась Селеста.

— Например, как защитники умеют чувствовать страх и боль человека, потому что сами они древние существа, а вовсе не люди.

— Ха!

— А ты думаешь, почему они так четко разделяют себя с нами? Почему живут отдельно, родами, в своих закрытых сообществах?

— Да ладно.

— То есть им тяжело ощущать людские чувства? А разве они не могут эти ощущения контролировать?

У меня, в отличие от Селесты, слова Доминики не вызывали недоверия.

— Конечно, умеют. Открываются, когда нужно, но в основном ставят щит, ведь им приходится возвращаться в нашем обществе, раз самих защитников настолько мало. Но потому они замкнутые и не проявляют эмоций, эта способность блокировать чужие чувства и на собственное восприятие накладывает отпечаток.

— Ерунда! Они просто одарены необычайной силой, вот и все отличие, — заявила Селеста. — Ах! — С романтическим вздохом она раскинула руки и упала спиной на кровать. — Я, кажется, влюбилась.

— С ума сошла, влюбляться в защитника! — покрутила пальцем у виска Доминика.

— Тебя не спросила. — Подруга повернулась на бок, подперла рукой голову и заявила: — Я придумаю способ, как Эсташа заполучить. И больше не буду действовать так глупо, как сегодня, копируя остальных.

— Только не будь душой, — сказала соседка, — не провоцируй его. Защитников нельзя провоцировать. Говорят, если они не удержат под контролем собственную силу, человек от ее мощи может сойти с ума.

— Да, как же! Если они так устроены, что стремятся охранять нас, людей, то я и буду воздействовать на этот инстинкт, но по-умному. Ты была права, Маришка, просто попадаться ему на пути — это глупо.

— Воздействовать на инстинкт защитника? — Доминика откровенно расхохоталась. — Смелости не хватит. Чтобы его пробудить, нужно самой попытаться убиться, причем у Эсташа на глазах. Или ты думаешь, что защитник среагирует на какую-то мелочь? Он поможет с легкостью просто в силу своего воспитания, но вот чтобы на самом глубоком, подсознательном уровне... Да тебе придется с башни прыгнуть.

— Посмотрим, — загадочно ответила Селеста, — обязательно найду способ.

А когда с наступлением темноты мы улеглись в кровати, я долго лежала без сна, смотрела на тонкий серп луны, зависший в темном небе, и вспоминала свой переход по веревочному мосту. Как дрожали под ногами деревянные дощечки, как ходили ходуном в ладонях веревки и ветер завывал в расщелине, от которой отделял лишь настил старого моста. Крики директора, стремившегося заставить меня перебороть свой страх. И я действительно пыталась ползти вперед, чтобы добраться до спасительного края. А потом были протянутые ко мне руки защитника, такого спокойного, непоколебимого в своей уверенности. И ветер вдруг стих. Я ощутила силу, необычную, странную, она обволокла мост на всем его протяжении тонкой пленкой оградительного щита, пробежала по веревочным перилам, отрезая прозрачной стеной дорогу бушующему ветру, и дала несколько драгоценных минут на то, чтобы быстро добежать до другого края.

Он просто помог, потратив уйму энергии. Доминика сказала бы — в силу воспитания, а Селеста непременно оспорила, что из-за природы защитников. Но как же необычно встретить подобного человека, а может, действительно не человека, а древнее существо, представителя почти погибшей расы тех, кто умел помогать.

Я повернулась на бок и подтянула к груди колени, потеряла ладонью лицо и ощутила вдруг влагу на ресницах. Ведь и не собиралась плакать. Просто екнуло что-то в груди, накатили воспоминания о том, как были построены башни моей гимназии, обитавших здесь воинах, чьи скульптуры застыли, словно живые, на вершинах устремившихся в небо крыш и круглых площадках.

Селеста говорила, что, кажется, влюбилась. И буквально перед самым сном забралась ко мне в кровать и тихо попросила: «Пожелай, чтобы он обратил на меня внимание».

— Что ты, Сеша, — прошептала я совсем тихо, не желая будить Доминику. — Знаешь ведь, мой дар совсем не работает или работает не так. Желания практически никогда не исполняются или воплощаются абсолютно иным образом, не так, как представлялось.

— Все равно пожелай, что тебе стоит? Честно говорю, прежде такого не испытывала. Ну хоть чуть-чуть внимания с его стороны.

— Хорошо, — вздохнула я, — желаю тебе внимания Эсташа тен Лорана.

— Спасибо! — Селеста обняла порывисто, крепко прижалась ко мне и счастливая убежала спать, искренне веря, что мой бесполезный дар работает как надо.

Сейчас, погружаясь в тягучую дрему, балансируя на грани яви и сна, я подумала: а если бы Эсташу приходилось спасать меня, вот как сегодня, от действительно опасных ситуаций, это пробудило бы его инстинкт защитника?

Эта мысль скользнула по самой кромке рассеянного сознания, и я погрузилась в настоящий глубокий сон.

— Благородные тэа, ну разве можно разводить такую грязь? Тэа Диарго, кто так кромсает капусту, повсюду летят ошметки, и на столе ее у вас больше, чем в пиале. Тэа Ланто, я отправлю вас пересдавать плетения, усильте связи. Тэа Эста, пока вы мечтаете, ваши овощи не приготовятся сами по себе. Селеста, умница, у тебя выходит чудесный пирог.

Дона Комфи, смешная пухленькая преподавательница, порхала между столами учениц и каждой давала советы. Если ей что-то не нравилось, она обращалась исключительно официально, а когда была довольна, называла по имени и непременно хвалила.

Среагировав на оклик доны, я вернулась мыслями обратно в класс и посмотрела на овощи, которые аккуратно нарезались на дощечке ровными кубиками. Даже задумавшись, я не отпустила плетения, а вот ближайшая ко мне соседка ругалась сквозь зубы, пытаясь удержать хрупкие связи.

— Ах, тэа Ланто... Ведь вы будущая хозяйка! Итак, девушки, кто мне ответит, что должна уметь настоящая хранительница очага?

— Все успевать, — ответили мы хором.

— А как, дорогие, можно все успеть, если у вас только две руки?

— С помощью плетений, — слаженно, как курсанты в строю, отчеканили мы.

— Именно!

Дона Комфи выбросила в стороны ладони, сплетая пальцами разные фигуры и попутно связывая их между собой, и тут же сам по себе большой поварской нож принялся крошить зелень, а дощечка взлетела и сбросила нарезанные ингредиенты в мгновенно открывшуюся кастрюльку, и огонь под ней уменьшился, чтобы вода не выкипала через край.

— Вот так мы управляемся на кухне, девушки. Держите плетения, больше концентрации и не отвлекайтесь по пустякам.

Аделаида Ланто, наша староста, утерла высокий лоб белоснежным передником и принялась заново усиливать связи между плетениями.

Мои же руки порхали сами по себе, привычно выплетая узоры, даже особо задумываться над процессом не приходилось. Огонь в магической горелке уже был отрегулирован до нужной температуры. Оставалось только посолить.

В целом с уроком домоведения я справлялась неплохо, хотя в готовке Селеста отличалась большим талантом. Я выбирала блюда попроще, а подруга обожала экспериментировать со всякой выпечкой, которая выходила просто пальчики оближешь. Часто дона Комфи разрешала нам утаскивать свои кулинарные шедевры на общий стол после окончания занятий, тогда мы не ходили на обед в столовую, а располагались прямо в классе, пробуя творения друг друга.

— Больше внимания! — хлопнула в ладоши учительница. Снова вернувшись мыслями в класс, я обнаружила, что задумчиво потряхиваю солонкой над чугунной сковородой. — Сегодняшние задания будут идти как тестовые.

— О-о-о! — как одна выдохнули девчонки, только Селеста радостно улыбнулась.

— Вы не ослышались, и результаты будут оценены независимыми экспертами.

— У-у-у!

— Ну-ну! Настоящая хозяйка всегда должна быть готова, собранна, а плоды ее трудов — идеальны.

Добродушную и в целом милую дону Комфи отличала всепоглощающая страсть к собственному предмету, и в этом вопросе учительница была неумолима. Пересдавать приходилось до бесконечности, если ее не устраивал результат. Неожиданные тесты являлись излюбленным методом проверки. Обычно в качестве подопытных выступали гимназисты четвертого курса, которые приглашались к нам на обед из мужского крыла.

— Сегодня тестировать будут не наши милые мальчики, — дона погрозила пальцем, — а то знаю я ваши договоренности, всегда умудряетесь заранее передать записочку. Блюда подадите к преподавательскому столу на обед. Каждый из преподавателей попробует творение каждой гимназистки и оценит.

Селеста улыбнулась еще шире, с любовью глядя на подрумянившийся пирог, а я в панике потянулась ложкой к сковороде и попробовала рагу на вкус.

Пересолено!

Преподаватели принимали пищу отдельно от остальных гимназистов в полукруглом зале, примыкавшем к общей обширной столовой. Урок домоведения у нас всегда проходил до обеда, а потому блюда для дегустации были готовы точно к положенному времени. То есть когда мы вошли, держа кулинарные шедевры на подносах, накрытых крышками, все учителя, включая директора, уже заняли свои места.

— Вперед, тэа, — подбодрила нас дона Комфи, а преподаватели и глава школы с настороженным любопытством следили, как мы дружной стайкой пробираемся к общему длинному столу, присматривая каждая для себя невинную жертву.

Повара выглядывали из-за своей перегородки, в случае чего готовые нести голодным мужчинам и женщинам, особо пострадавшим на поприще воспитания будущих хозяек, нормальную еду.

Одна дона Комфи совсем не волновалась. С такой муштрой, как в нашей гимназии, ошибка была почти невозможна. Почти.

Толпа девчонок ринулась к тен Лорану, но проворней всех оказалась Селеста, замершая рядом с защитником с чрезвычайно довольным видом. Остальные, разочарованно и гневно зыркнув на подругу, принялись проходить дальше, словно собирались так сделать изначально.

Я чуть замешкалась только потому, что выглядывала среди учителей хоть кого-то, способного спасти от прилюдного позора. Как и упоминала прежде, наказания в гимназии были суровы. Мало того что меня ожидал прилюдный жесткий выговор, так еще пришлось бы потом дня три есть на обед пересоленную пищу.

Взгляд остановился на Алларе, моем любимом учителе. Уже в годах, поседевший, но всегда державший ровно спину и голову, полный внутреннего достоинства, преподаватель при всей внешней строгости являлся самым добрым и чутким человеком на свете. Он сидел с левой стороны от Эсташа, а потому целая толпа тэа благополучно его миновала. Чтобы не оказаться в глупом положении, им пришлось огибать стол, а мой учитель провожал девушек насмешливым взглядом. Даже боюсь представить, сколько незаметных щипков досталось Селесте, стойко терпевшей их ради счастья обслужить вожделенную добычу.

— Арис Аллар, — остановилась я рядом с учителем и быстро поставила перед ним поднос.

— Маришка, — искренне улыбнулся обрадовавшийся мужчина. Преподаватель совершенно бессовестным образом пользовался своими возрастом и положением, чтобы напрочь игнорировать все официальные обращения. Излюбленной манерой поощрения для солидного вдовца было предлагать каждой порадовавшей его тэа стать следующей сабен¹ Аллар. — Что там у тебя сегодня, не мои ли любимые пирожки с капустой?

— Арис Аллар, — я жутко смутилась, — у нас ведь сегодня зачет.

— Да, да, — кивнул учитель, снимая крышку и вдыхая аромат овощного рагу. — Риана предупредила. Сейчас обнесешь остальных.

— Просто нам не сказали заранее, — пробормотала я, накладывая на тарелку преподавателя первую ложку. — А вы, если не ошибаюсь, очень любите рагу? Правда?

¹ С а б е н — жена, супруга; уважительное обращение к замужней женщине.

Арис удивленно изогнул брови, в глазах загорелись смешинки.

— Люблю, — кивнул он, придвигая горшочек с неудавшимся блюдом поближе. — Помнится, моя дражайшая сабен готовила рагу каждое воскресенье. С тех пор никто так не радовал. У тебя здесь совсем немного, едва одному хватит. Ты не ходи дальше, еды всем и без рагу достаточно.

И он тихо рассмеялся, а я одними губами прошептала «спасибо» и, отыскав глазами графин с водой, быстро передвинула его поближе к Аллару.

— Хотите пить? — спросила умоляющим голосом, когда он с трудом проглотил первую ложку.

— Жестокос... милостивая дева, — откашлялся арис, — налей побольше.

И снова мужественно зачерпнул из горшочка.

— Желаете пирога, Олайош? — вдруг склонился к моему преподавателю Эташ. Лицо его было невозмутимо, а голос звучал совершенно буднично. — Очень вкусный, приятное дополнение к любому блюду.

— Да, я бы заел, кхм, отведал. Даже готов взамен поделиться своим блюдом. Очень пикантный вкус у этого рагу, поверьте.

И пока Эташ не успел отказаться, стал проворно накладывать ему на тарелку рагу. После семи ложек, с помощью которых к тен Лорану перекечевала почти половина горшочка, едва Аллар потянулся зачерпнуть восьмую, тарелка Эташа медленно отъехала к правой ладони преподавателя, а его левая рука будто невзначай устроилась на столе, преградив дорогу к блюду.

Защитник явно отличался разумной жертвенностью, а потому Олайош, досадливо поморщившись, восьмую ложку проглотил сам и заел ее большим куском пирога. От остальных блюд, подносимых другими ученицами, он храбро отказывался, собираясь спасти меня до победного конца.

Опустошив горшочек, Олайош допил воду из графина и, отерев глаза белоснежной салфеткой, снова взглянул на меня. Я стояла рядом с покаянным и печальным видом. Как только учитель отложил ложку, быстро переместила горшочек на поднос и накрыла крышкой.

— Маришка, а ну напомни, сколько раз я на тебе жениться обещал?

— Девятнадцать, — грустила я.

— Во-от, — протянул учитель, воздев к потолку палец, — двадцатого не будет.

Я вздохнула еще горше.

— А двадцать первый может быть, если вечером у меня в комнате вдруг появятся пирожки с капустой.

Радостно улыбнувшись, я прошептала, что все будет, а Олайош незаметно кивнул на Эсташа и заговорщицки пробормотал: «В двойном размере».

Заметив, что учителя пообедали и с довольным видом отодвигают от себя тарелки, донна Комфи поторопила нас убрать со стола и поинтересовалась впечатлениями преподавателей.

Больше всего восторгов досталось Селесте, еще очень хвалили наших троих кудесниц: Бенину, Лиату и Анаю, — а насчет остальных высказались более сдержанно, хотя заметили, что старались все.

Меня не выдал ни один из отведавших рагу мужчин. Оба с достоинством отметили пикантный вкус блюда, но, учитывая пустой горшочек и пустые же тарелки преподавателей, донна Комфи ничего не заподозрила.

Я только сейчас обратила внимание, что Эсташ действительно съел все, подsunутое ему коварным Алларом. Возможно, ему было немного легче, поскольку большая часть пирога Селесты была отрезана исключительно для него. К тому же девчонки, чьи блюда удались, очень стремились порадовать преподавателя, остальные же не рисковали накладывать больше маленькой ложечки, чтобы не испортить собственной репутации в глазах обожаемого защитника. Мне о репутации заботиться было поздно.

За дверями столовой донна Комфи всех похвалила и отметила, что мы справились хорошо и она в нас не сомневалась.

Я вызвалась убрать испачканную посуду вместо дежурной гимназистки, пробравшись таким образом на кухню. В хозяйственном закутке, использовавшемся ученицами для уборки после уроков домоведения, стоял большой чан с водой и находилась глубокая раковина. Тут же имелась сосланная в уголок небольшая печка, которой редко пользовались из-за ее размеров. Приготовить пирожки без нее было бы гораздо сложнее. Я, конечно, могла слепить их, а после поджаривать в комнате каждый на магической горелке, но это требовало больше времени и сил, а потому поспешила воспользоваться печкой, пока убирала посуду.

Сунув пару монет помощнице поварихи, которая помогла внести в закуток испачканные блюда, получила от нее немного готового теста, капусту и лук. Недаром на плетении я была одной из лучших учениц, эти навыки особенногодились сей-

час, когда приходилось одновременно мыть посуду и лепить пирожки для Аллара. Вырисовывая сложные фигуры и связывая их между собой, я задавалась вопросом, а как быстро могла бы управиться, владей навыком связывать внутреннюю силу с аурой вещей. Впрочем, на эксперименты не решалась, желая в этот раз не напортчить, чтобы достойно отблагодарить Олайоша.

Покончив с уборкой и готовкой, я завернула пирожки в специальную бумагу для выпечки, чтобы они не остыли до вечера, и поспешила отнести все в комнату, пока не пришла пора отправляться на послеобеденные занятия.

Глава 5 ПРИВОРОТ

Вечером мне оставалось еще пробраться в преподавательскую башню и дойти до учительской Аллара. Олайош частенько задерживался допоздна в небольшом кабинете с чуланом для хранения учебных пособий. Готовился к занятиям, а после любил попить чаю и немного отдохнуть, и я нередко по его приглашению составляла арису компанию, всегда без приключений миная опустевшие после занятий переходы.

Башня преподавателей в отличие от крыла мужского общежития не находилась под запретом в вечернее время. Иногда ученики именно после уроков отправлялись на консультации, вот только наступала эта пора обычно перед экзаменами, в остальное время года особых любителей учебы в свободные от занятий часы не находилось.

Когда я, пристроив под просторной шалью корзину, уже собиралась выйти из комнаты, меня остановила Селеста. Подруга была в курсе происшествия на уроке домоведения и тихонько посмеивалась надо мной и способом, придуманным для решения проблемы.

— Мариша, погоди, я с тобой.

Я удивленно оглядела прихорашивавшуюся у зеркала подругу. Этим вечером Доминика убежала гулять и в комнате мы остались одни, а потому можно было без опаски спросить у Селесты прямо, куда она собралась.

— Иду с тобой в преподавательскую башню, к Эсташу.

Сложно передать словами мое удивление.

— Директор упоминал, что тен Лоран собирался готовиться к первым практическим занятиям, а значит, он должен быть в кабинете магической защиты.

— Ты не говорила, что он приглашал тебя на консультацию.

— Ой, поверь, Маришка, он сейчас мечтает, чтобы я пришла.

— Почему? — нахмурившись, пыталась сообразить, откуда у Селесты такая уверенность.

— Потому что в пирог я подмешала приворотное зелье, — счастливо улыбнулась подруга.

— Что?!

— Да, надо действовать решительно. Ты видела, как остальные девчонки активно наседали на моего защитника сегодня? Они готовы были его на кусочки порвать.

— Но почему он твой?

— Я ему нравлюсь. Эсташ хвалил мой талант и говорил еще немало приятного во время обеда.

— И это повод его накормить приворотным пирогом? Как ты подмешала зелье?

— Незаметно для Комфи и только в ту часть пирога, которую отрезала Эсташу.

И более не слушая моих возражений, Селеста первая выпорхнула за дверь. А я просто поверить не могла в ее поступок. С появлением защитника подругу словно подменили.

Расстались мы в самой башне на площадке винтовой лестницы. Мой путь пролегал на верхний этаж, а Селесте требовалось спуститься ниже. Проводив девушку глазами и вновь уверившись в твердости ее намерений, от которых не удалось отговорить на протяжении всего пути, я грустно вздохнула. Оставалось надеяться, что защитник сумеет справиться с хрупкой гимназисткой и быстро выдворит Селесту за дверь, что вернет ее разум на место.

С каждой минутой в учительской становилось все душнее, воздух сгушался и уже давил на него всей своей массой, вместе со стенами и потолком довольно просторной комнаты. Не выдержав, Эсташ отодвинул на край листы с планом завтрашней тренировки и откинулся на спинку стула. В раскрытое окно, лишь на миг полыхнувшее синим защитным экраном, свободно влетел бумажный голубок и приземлился на стол. Расправившись гладким белым листом, он явил глазам тен Лорана послание от Олайоша:

«У меня к тебе безотлагательное дело».

Вздохнув, защитник сжал пальцами виски, в которых гулко стучало, словно пытаясь расколоть череп изнутри, и поднялся на ноги. Аллар редко присылал ему подобные сообщения, разве только в исключительных случаях, а значит, дело действительно безотлагательное. Выйдя в коридор, мужчина предпочел лестнице, проходившей внутри башни, ту, что опоясывала ее снаружи. Ему требовался свежий воздух и вечерняя прохлада, способная остудить с каждой секундой все ярче пылающее лицо. И пока он взбирался по бесконечным ступенькам, дурнота накатывала сильнее. За ручку дверцы, ведущей в коридор верхнего этажа, Эсташ схватился, ощущая себя практически больным.

Ввалившись внутрь узкого удлиненного пространства, он вновь почувствовал нехватку кислорода и, цепляясь одной рукой за стену, пошел вперед, ощущая, как все сложнее переставлять ноги, но стремясь поскорее добраться до кабинета друга и найти там укрытие.

Отрава. Он знал эти ощущения. Отрава в его крови. Приворот, подлитый почти в каждое из отведанных во время обеда блюд. Яд, который заставлял все жарче разгораться внутренний очищающий огонь, способный уберечь защитника. Пламя могло сжечь любую отраву в теле, но только когда та достигала наибольшей концентрации. Самому Эсташу все это обещало мучительные минуты настоящих душевных и телесных пыток, в то время как столь несвойственные мужчине желания вдруг начали туманить разум.

Перед глазами расплзался красный туман, в виски глухо билась мысль, что единственное лекарство, способное мгновенно избавить его от боли, — это женщина. Абсолютно любая. Лишь бы только коснуться ее, ощутить особенный аромат, свойственный женскому телу, дотронуться поцелуем до нежных губ, обхватить руками тонкую талию...

Глухо застонав, Эсташ привалился к стене и медленно сполз на пол, всеми силами пытаясь вернуть утраченный на минуты огненной пытки разум. Внутренний голос упорно шептал, что, прежде чем огонь очистит кровь и избавит от мучений, можно найти другой способ исцелиться. Просто коснуться, просто сорвать с губ поцелуи. Последняя здравая мысль, мелькнувшая в охваченном коротким, но оттого не менее бурным безумием мозгу, была о том, что в эту пору ни одна несчастная не забредет в коридор к невменяемому защитнику. А потом ушей Эсташа коснулся звук легких шагов.

Я поднялась до нужного этажа и толкнула дверь. Повернула налево и направилась к учительской, которую занимал Аллар. Подходя все ближе, постепенно замедляла шаг, поскольку в конце коридора заметила вдруг чью-то неподвижную фигуру. Это было настолько неожиданно, что я в итоге остановилась, а вот тот, кто еще секунду назад сидел без движения, резко вскинул голову и в мгновение ока оказался на ногах.

— Арис Лоран, это вы, — выдохнула, не успев даже заметить, как он очутился совсем близко. Всего несколько мгновений назад был далеко и вдруг оказался на расстоянии вытянутой руки.

Мужчина молчал. Не поздоровался привычно, ничего не ответил, но смотрел на меня, а глаза странно горели, и их блеск показался опасным. На ум тут же пришла фраза Селены о привороге.

Нервозность резко переросла в панику, стоило лишь догадаться о причине горящего взора и необычного молчаливого созерцания.

Проклятье! Что подруга ему подмешала? И как, ради всего святого, на защитников действуют привороты?

Молчание затянулось, став угрожающим и тревожным. Я не говорила ни слова, поскольку опасалась пошевелиться и спровоцировать, а он был занят пристальным изучением. Даже не понимаю, что такого он видел в моем лице. Может, просто пытался совладать с собой в этот момент? Хотел справиться с последствиями глупой выходки моей подруги? Глупой, так как достаточно было взглянуть на напряженного мужчину, осознать себя наедине с ним в пустом коридоре, когда до двери в кабинет Аллара еще нужно было добраться, чтобы съежиться от страха.

Первое движение сделал он. Просто протянул ладонь, не знаю для чего, вероятно, хотел прикоснуться, но я отшатнулась. Выронила из рук корзинку и, резко развернувшись, помчалась обратно к лестнице. А через минуту забарахталась в невидимой сетке. Она обвязала руки и ноги, сковала меня и неумолимо потянула назад.

Рывок, резкий разворот — и сетка распалась, а я вновь очутилась лицом к лицу с защитником, но тут же сделала попытку проскочить вперед, теперь уже в учительскую. Вытянутая рука преградила дорогу. Я налетела на нее и оказалась мигмом придавлена к стене. Невидимой стене позади меня.

Как же жутко оказаться совершенно беспомощной наедине с человеком, обладающим поистине чудовищной силой, видеть его горящий взор, от которого хочется закрыться, слышать мол-

чание, что красноречивее всяких слов, и барахтаться беспомощно, не умея совладать с его магией. Единственное, что могла еще сделать, это схватиться за прижавшую меня руку и попытаться поговорить.

— Простите, арис Лоран, мне очень нужно идти. Меня ждут.

Следующую попытку убежать даже предпринимать не стоило, однако паника не способствует разумным поступкам. Воспользовавшись тем, что мужчина ослабил давление на грудную клетку, я попробовала поднырнуть под его рукой и уйти в сторону.

Он поймал, перехватил за локоть, вновь развернул лицом к себе, а пальцы вдавились в мои плечи. Сквозь плотно сжатые губы вырвался напряженный рваный выдох, взгляд опалил не хуже жаркого огня и тем же жаром полыхала его кожа. Я ощущала это даже через плотную ткань форменного платья. Не делая больше попытки убежать, затаилась, до последнего надеясь, что вот сейчас защитник придет в себя.

Не ощутив отпора, он ослабил хватку на плечах и даже немного отстранился, резко тряхнув головой. Будто стремился избавиться от того, что сковало его волю. Показалось, взгляд Эсташа стал проясняться, и тут вдруг он скривился, как от резкой боли, а я вскрикнула, потому что пальцы сжали плечи до хруста. Мой крик сработал словно пощечина. Защитник дернул головой, вскинулся, снова впился взглядом в мое лицо и очень жестко сдавил затылок ладонью, медленно привлекая к себе.

Показная покорность тут же истаяла. Я уперлась изо всех сил, попыталась отклониться, ужасно испугавшись поцелуя. Ничего хорошего сказать о них не могла. Противное и неприятное действие, после которого хочется плевать и полоскать рот, пока не отмоешься от чужих прикосновений. А еще сам факт того, что меня вновь заставляли, вновь хотели навязать тошнотворные ощущения.

Я ударила тен Лорана куда пришлось, кажется, по плечу. Сама уже не различала в пылу ожесточенного сопротивления. Толкнула со всей силы, он поддался, отклонился, отпуская. И в тот момент, когда я перевела дух, ощутив мнимую свободу, он поймал губами мои губы. В обманном маневре, в неожиданной и оттого странной манере, будто отпустив, резко склонился и сорвал мимолетный поцелуй.

Эсташ разом выдохнул, как если бы боль отпустила, а я перхнула воздухом и посмотрела изумленно. Не поняла, отчего жар разлился по щекам, горлу и груди от согретых легким и стремительным прикосновением губ. Тяжестью налилась голо-

ва, я качнулась назад, а его рука перехватила за талию, опять потянула вперед, прижала к груди защитника. И когда мужчина снова склонился к моим губам, я подняла руки, но они замерли над широкими плечами, не обнимая и не отталкивая.

Придя в полное замешательство, ощущала, что пьянею, теряю опору под ногами. Холод в груди и паника, а вместе с ними застарелая липкая боль растворялись и отпускали. Доверие, такое неожиданное, разрасталось в душе, освобождая от старого груза, давившего на плечи с самого детства. Каждый может обидеть, даже тот, от кого не ждешь, — эта старая истина, усвоенная после нападения старика, к которому я пришла в поисках работы, которого даже не воспринимала как мужчину, она тоже стала уходить далеко-далеко, теряясь в дали лет, где и следовало оставить ее, позабыв.

Тепло, легкость, счастье, вот что заполнило душу. Исцеление. И как, оказывается, хорошо и спокойно может быть, когда обнимает и целует мужчина. Не больно, не страшно.

Но все же я быстро хмелела, на смену тихому счастливому теплу и нежности приходило головокружение, покалывание на коже и мурашки по спине. В груди закручивался маленький смерч, отчего стало ощутимо потряхивать, и теперь от каждого касания губ я вздрагивала, но не отстранялась.

А когда его рука так неожиданно соскользнула с моей талии и губы отдалились, я оказалась в полном замешательстве, совершенно неподготовленная к тому, что Эсташ отпустит. От растерянности привалилась к стене, закрыв рот ладонью.

Защитник теперь выглядел совершенно иначе, преобразился буквально на глазах, точно невидимые тиски разжались, перестали крутить и сковывать его. Взгляд стал осмысленным и не горел пугающим пламенем. И следующим, что я услышала, был шепот, сложившийся в мое имя:

— Мариона... — и тихий вздох.

Показалось, мужчина меня только что узнал, и это неожиданно задело. Разве он не разобрал, кто перед ним? Эсташ целовал какую-то другую девушку? Или ему было не важно, кого он с такой страстью обнимал? Даже сам шепот прозвучал для моего слуха по-иному, как если бы защитник произнес: «Что же вы попадаетесь на моем пути, Мариона?»

Прижав ко рту и вторую ладонь, я молча смотрела на него, а потом приглушенно и невнятно пробормотала:

— Я шла к арису Аллару, а вы... — Обида всколыхнулась еще резче, острая и такая же изумленная, как и все мое существо. — А вы рассыпали его пирожки!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ЗАЩИТНИК	5
Часть вторая. ЖРИЦА	156
<i>Эпilog</i>	369